

Лин Си казался человеком всегда спокойным и невозмутимым, но на самом деле он был крайне чувствительным и ранимым. Часто его внешнее «всё в порядке» вовсе не означало, что он действительно чувствовал себя хорошо. Просто он еще не научился выражать своё «плохо». Его мысли были похожи на паутину — тонкие и запутанные, их невозможно разглядеть до конца. Если ты, махая крыльями, пролетаешь мимо и случайно задеваешь их, они рвутся, оставляя его в разрушенном состоянии. Но ты даже не подозреваешь об этом. А он, в свою очередь, не проявляет никакой реакции — не стонет, не кричит, терпит боль, медленно справляясь с ранами. Если однажды он не выдержит и умрет, это произойдёт тихо и незаметно.

Лин Си не знал, что творилось у Лу Сяояня на душе, когда он говорил, но его рассуждения о «чистоте» вызвали у него лёгкое раздражение:

— Чэн Чэ — мой друг. Я сам разберусь, какой он человек.

— Ты разберёшься? Ты вообще ничего не понимаешь! — Лу Сяоянь невольно повысил голос, в его тоне звучала злость и разочарование. — Ты что знаешь? Сколько людей ты вообще повидал? Если бы ты разбирался, то не попал бы в полицию! Если бы ты разбирался, у тебя бы за двадцать с лишним лет хоть один друг остался! Ты говоришь, какой он человек? Сегодня он продал себя, а завтра, возможно, продаст тебя! Посмотрим, рано или поздно... Эй? Эй-эй? Лин Си? Эй? К чёрту!

Лу Сяоянь не успел закончить свою тираду, как Лин Си внезапно положил трубку. Злость, копившаяся в груди Лу Сяояня, не нашла выхода, и он швырнул телефон на пол, разбив его вдребезги.

Остальные уже давно привыкли к вспыльчивому характеру Лу Сяояня. Цай Шимо вызвал официанта, чтобы убрать осколки, Дай Чжию позвонил знакомому продавцу и заказал новейшую модель телефона, а Линь Гуанлэ встал на защиту Лин Си:

— Ну зачем ты так? Не мог просто поговорить? Зачем было так грубо ругаться? Вот и спугнул его.

— Я буду ругаться, если захочу! Лин Си — это моё дело! — Лу Сяоянь резко повернулся, и его взгляд заставил Линь Гуанлэ поспешно спрятаться за спину Дай Чжию.

Прячась за широкой фигурой Дай Чжию, Линь Гуанлэ поспешно поднял белый флаг:

— Да-да, вы наш император, ваше слово — закон. Если вы сказали, что он виноват, значит, он виноват, и его нужно ругать!

Лу Сяоянь раздражённо прошёлся туда-сюда:

— Кто сказал, что он виноват? Я ругаю Лин Си не потому, что он сделал что-то не так. Лин Си никогда не ошибается!

Он сделал паузу, а затем, уже без всякой логики, указал на Линь Гуанлэ:

— Даже если он ошибётся, это не твоё дело говорить, что он виноват!

«Только я могу говорить, что он виноват!»

«Только я!»

Злость Лу Сяояня быстро улетучилась. Как бы он ни был против дружбы Лин Си с Чэн Чэ, ради Лин Си он не мог просто бросить Чэн Чэ на произвол судьбы. Тем более с таким видом, как у Чэн Чэ, даже если он благополучно уйдёт с вечеринки, его вполне могут остановить патрульные для проверки.

Лу Сяоянь не знал, где живёт Чэн Чэ, и не мог отвезти его домой, но он знал, что Чэн Чэ — артист, работающий под руководством Шэн Куан, и поручить это дело ей было самым верным решением. Поэтому он позвонил Цзинь Ши и Шэн Куан.

Выкурив на улице две сигареты, Цзинь Ши прибыл на место. Лу Сяоянь схватил Чэн Чэ за воротник и передал его Цзинь Ши:

— Отвези его к Шэн Куан, обязательно лично передай ей.

Цзинь Ши выглядел неохотно:

— Босс, вы знаете, как Шэн Куан ко мне относится... Мне будет неловко...

— Если не хочешь, ничего страшного, — Лу Сяоянь сделал вид, что берёт телефон Линь Гуанлэ.

— Я позову Шэн Куан саму забрать его.

Услышав это, Цзинь Ши без лишних слов схватил Чэн Чэ и затолкал его на заднее сиденье машины:

— Не волнуйтесь, босс, доставлю его в целости и сохранности.

Хотя трубку положил Лин Си и спор возник из-за него, он нисколько не считал, что между ним и Лу Сяоянем есть какие-то разногласия. У Лин Си был свой уникальный способ выживания — не слушать то, что он не хочет слышать, не говорить то, что не хочет говорить, а всё, что причиняет ему боль, стараться забыть, как будто этого никогда не было.

На следующий день он осторожно спросил Чэн Чэ о запрещённых веществах, но тот заявил, что ничего не помнит о событиях той ночи. Его просто радушно пригласили выпить пару стаканчиков и перекусить, а потом он вдруг опьянел до неузнаваемости и даже не помнил, как добрался домой. Лин Си не разбирался в тонкостях светских вечеринок и не имел практического опыта в этом, поэтому он мог лишь просто посоветовать Чэн Чэ «быть осторожным». Сам Чэн Чэ отнёсся к этому легкомысленно, и Лин Си больше не стал настаивать.

Шоу «Блистательная звезда» перешло в этап топ-10, и программа становилась всё более насыщенной и зрелищной. Помимо традиционных состязаний талантов, организаторы подготовили множество дополнительных мероприятий. Например, различные встречи с фанатами, на некоторые из которых специально приглашались родственники и друзья участников, чтобы добавить теплоты и азарта, а также создать больше тем для обсуждения вокруг шоу и его участников.

Как Лин Си слышал ранее, на финальном этапе в состав жюри войдёт музыкант Е Мин, и он с нетерпением ждал этого момента. Он был похож на ученика, который усердно учился день и ночь, жаждущий продемонстрировать результаты своих усилий на экзамене.

На самом деле, ему не пришлось ждать финала. На одной из встреч за кулисами Лин Си случайно столкнулся с Е Мином, который был специальным гостем. Оба они оказались у автомата с кофе, и Е Мин первым заговорил:

— Неплохо, ты зашёл дальше, чем я ожидал. Видимо, даже дешёвое самолюбие иногда может пригодиться.

Лин Си ответил с высокомерием:

— Я не считаю, что добраться до этого этапа было чем-то сложным.

— Хм, ты точно такой же, как твоя мать, никогда не понимал, что за пределами человека есть другие люди, а за горами — другие горы, — с презрением отозвался Е Мин на отношение Лин Си. — Когда она только начинала выступать, люди в шутку называли её «принцессой любовных песен», и она действительно начала считать себя принцессой. Но даже настоящие принцессы могут оказаться в нищете, не говоря уже о девушке из рыбацкой деревни. Иногда человек смотрит только вверх, не замечая того, что у него под ногами, и чем выше он поднимается, тем сильнее падает.

Лин Си, опустив голову, начал искать монеты в кармане:

— Она — она, я — я.

Е Мин усмехнулся:

— Ты действительно думаешь, что остался в шоу благодаря своим выступлениям? Это из-за твоей скандальности и высокой активности в обсуждениях в сети. Я скажу тебе прямо, тебе не светит попасть в тройку лидеров. У Чэн Чэ за спиной стоит звукозаписывающая компания «Цзиньдин», у Му Ся — покровитель, сын владельца «Тэнхуа Интернэшнл», а телестудия поддерживает своих новичков. Как бы ты ни старался, ты всего лишь статист.

— Ну и что? — Лин Си скривил губы. — По крайней мере, я делаю то, что хочу, и это меня устраивает.

Е Мин кивнул:

— Верно, хочешь — делай, и пусть тебя устраивает. Твоя мать говорила то же самое перед уходом, слово в слово.

Сделав пару шагов, он вдруг вспомнил что-то:

— Кстати, недавно мой друг видел её на Хоккайдо. Он ехал на машине, крикнул ей, и она обернулась, так что вряд ли ошибся. Говорят, она была с каким-то мужчиной средних лет и ребёнком, направляясь в очень дорогой ресторан. Видишь, она не только жива, но и живёт хорошо, просто не собирается возвращаться на Лидао. Так что не питай больше никаких иллюзий...

Лин Си, как ни в чём не бывало, продолжал засовывать купюру в автомат, не реагируя на слова Е Мина. Десять юаней, будто сложенные неправильно, снова и снова вылетали обратно, сколько бы он ни пытался их вставить. В кошельке у него были более новые и гладкие купюры, но он упрямо продолжал использовать эту, снова и снова повторяя одни и те же действия, с серьёзным и упрямым выражением лица, словно спорил сам с собой...

На той встрече, кроме Лин Си, все участники пришли с родственниками или друзьями. К его великому удивлению, на мероприятии появился и отец Му Ся — тот самый пьяница, которого Му Ся избил в переулке той ночью.

<http://bllate.org/book/16461/1493945>